

Еще думал нынче о прелести – именно прелести – зарождающейся любви. Это вроде того, как пахнет вдруг запах зацветающей липы или начинающая падать тень от луны.

Л. Толстой

После завершения первого курса института, где я учился на филологическом, родители решили отправить меня погостить у родственников отца в Подмоскovie.

Поезда тогда, в начале 50-х, ходили неспешно, подолгу застаивались на узловых станциях, и время убивалось разговорами с попутчиками. Но я большую часть его проводил в тамбуре у окна.

Я впервые ехал на поезде, и мне было поначалу интересно наблюдать сменяющиеся картинки незнакомой местности: бесконечные хвойные леса, кустарники, холмы и пригорки с жухлой травой, болотца, зловеще проблескивающие на солнце, редкие убогие домишки за покосившимися заборами, серые от пыли грузовики перед слагбаумами, тощие лошаденки, бредущие по дороге.

Людей было мало, редко кто из них поворачивал голову в сторону гремящего поезда, и лишь однажды какая-то девочка в белом сарафанчике помахала нам рукой. И снова – леса, кустарники, пригорки и холмы да с ревом пролетающие мимо встречные

товарняки. Уши закладывало от бешеного перестука скачущих на стыках колес, в пропахший табак тамбур через распахнутую межвагонную дверь вваливался вонючий комок чужого угольного дыма...

Странные чувства рождало в душе это первое в моей жизни путешествие. За двое суток я успел растерять многое из первоначальных восторженных представлений о поездке.

Я начал уставать от людской скученности в вагоне, запаха потных тел и несвежей одежды, непрерывно хлопающей туалетной двери, невозможности уединиться где-либо, кроме прокуренного насмерть тамбура. Удручали и бесстрастная пустынно-лениво убегающего назад пространства, безлюдность, отсутствие ярких красок. Пропало даже желание сочинять стихи: я мечтал, что займусь этим в долгой дороге.

Словом, сказка завершилась, едва начавшись, сказал я себе, проводив глазами длинный бетонный забор и гигантский склад за ним. Судя по всему, мы въезжали в предместье большого города.

Я потянул из кармашка брюк часы с недлинной витой цепочкой и открыл крышечку. Еще не успев привыкнуть к отцовскому подарку, я много раз на дню открывал ее и замороженно рассматривал ослепительно белый циферблат с крупными римскими цифрами.

– Заморская цацка, – прозвучал сзади хриплый голос. – Дай взглянуть на вещь!

Я обернулся. Это был невысокий жилистый парень с рыжеватым чубчиком над узким морщинистым лбом и немигающими светлыми глазами. Он протянул руку, но я шелкнул крышкой и положил часы в карман.

- Ты че? – удивился он и ощерился, показав металлическую фикса в уголке рта.
- Ниче, – сказал я. – Вещь не смотрится.

И отвернулся от него к окну, но, скосив глаза, следил за движением его правого плеча.

Я его не боялся и знал, что здесь драку он затевать не будет – мы были не одни. У двери напротив стояли двое здоровых мужиков из соседнего с моим отсека.

- Вот фраер, а? – поделился с ними парень и сплунул себе под ноги. – Врезать ему, что ли?
- Ага! – откликнулся один из курящих. – А потом мы тебе по разу, а то и по два.
- Они засмеялись.
- Повстречаемся еще! – Парень многозначительно цыкнул зубом и пошел в соседний вагон.
- Я тут второй раз его вижу, – сказал мужик. – В прошлом году мы одного такого же с поезда на полном ходу спустили под откос. А ты, – обратился он ко мне, – поменьше часы из кармана вытаскивай. От греха подальше. За них и голову оторвать могут.
- Не оторвут, – возразил я, но не очень громко.

Станция была узловая, нас приняли на первом пути, и народ повалил к зданию вокзала, где вдоль фасада с огромными мутными окнами стояли столы, накрытые широкими простынями и уставленные подносами с нарезанным хлебом. Когда я подошел, все места уже были заняты, но люди тут не задерживались, и вскоре я сел на освободившееся место. Потом ушли и сидевшие на другой стороне стола, я поднял глаза и вдруг увидел разговаривающую с официанткой девушку с красным шарфиком на плечах.

Это была она! Та самая, которую я увидел впервые из окна вагона на предыдущей большой станции и почувствовал странное стеснение в груди.

За те несколько минут, которые она находилась в поле моего зрения, я успел рассмотреть и запомнить ее в подробностях – от ног в красных босоножках до русых распущенных прядей волос, обрамляющих чистое, без загара, улыбчивое лицо, худенькие плечики, прикрытые красным шарфиком, и, конечно, большие темные глаза с высокими дугами бровей. Легкое цветастое платьице чуть ниже колен рельефно облегало ее стройное тело, и я понимал, почему на нее оглядываются стоящие группами и гуляющие по перрону мужики.

Она была поразительно эффективна и знала, конечно, об этом, но ничто не отвлекало ее от собеседницы – ни любопытствующие мужчины, ни тем более я, словно примерзший к пыльному стеклу вагонного окна на десятки шагах от нее.

Проходящая мимо проводница с ведром угля со словами «Счас поедем!» отодвинула меня в сторону, и когда я вернулся к окну, их на перроне не было. Но девушка с красным шарфиком уже прочно впечаталась в сознание, мгновенно выбив из меланхолического состояния, в которое я незаметно погружался.

Дважды за вечер я прогулялся по всему поезду в поисках ее, пока суровый проводник мягкого вагона с яркой ковровой дорожкой на полу не шуганул меня крепким словом. И потом я долго ворочался на узкой полке, придирчиво разглядывая ее, стоящую перед глазами в запомнившихся подробностях, добавляя к ним щедро открывающиеся памятью новые.

Удивительно, но не тогда, а сейчас, я увидел, что она время от времени как бы выпрямляет спину, чуть выдвинув вперед грудь, что стопа правой ноги у нее как бы под углом к левой, что улыбается она уголками губ, а при разговоре почти не мигая смотрит в глаза собеседнице, что не пользуется помадой и не красит брови, не носит никаких дорогих цацек. И кольца на ее руке не было...

Я поймал себя на мысли, что препарирую ее, как редкую красивую бабочку, прилетевшую из заморских далей. Сказалось все-таки школьное увлечение насекомыми!

И вот теперь она вновь передо мной – такая же, какой жила во мне всю беспокойную ночь, так же, как тогда, лицом ко мне, и я увидел, что глаза у нее не темные, как показалось в первый раз, а яркосиние.

Звонкий голос репродуктора сообщил о скором отходе поезда.

Я заплатил за несъеденный остывший борщ и пошел к своему вагону, постоянно оглядываясь назад. Ее не было, не появилась она и когда состав тихо стронулся с места.

Не отрывая взгляда от дверей вокзала, я взялся за поручень и пошел рядом с вагоном, огрызаясь на проводницу, требующую или прыгать в вагон, или убираться к чертовой матери.

Я уже перешел на бег, когда увидел девушку, тоже бегущую за поездом. Было ясно, что она, хотя и бежала удивительно быстро, не успеет, и я отпустил поручень.

Инерция была столь велика, что я, как бульжник, запущенный пращей, чуть не снес фанерный киоск.

«Я никогда не ношу с собой больших денег», — сказала она несколько даже, как показалось мне, высокомерно, я же честно признался, что больших денег вообще никогда не видел, а которые с собой были на дорогу, истратил в пути.

Перепуганная продавщица высунула голову из своего скворечника и только широко раскрыла рот — видимо, слова со страха провалились у нее куда-то внутрь.

Я послал ей воздушный поцелуй и повернулся посмотреть, не улетела ли так же и девушка.

Она сидела неподалеку на асфальте, держась обеими руками за ногу. Рядом лежала босоножка со сломанным каблучком, а метрах в двух валялась раскрывшаяся сумочка.

Подходя, я подобрал ее и защелкнул замок.

— Вы хорошо бежали, — похвалил я. — А я вот не смог удержать для вас поезд.

— Лучше помогите мне встать, — проговорила она, морщась. — Кажется, я подвернула ногу.

Я помог ей подняться и бегло осмотрел.

— М-да, потребуется к тому же и мелкий ремонт.

Она посмотрела на колено, локоть и дернула носиком:

— Ерунда! Вот нога... Как я теперь с такой ногой?

— Для начала давайте доберемся вон до той скамейки, — сказал я. — Вы можете наступать на ногу?

— Попробую... — Но через несколько шагов она остановилась: — Нет, очень больно. Я лучше на одной ноге...

Надо было бы, конечно, подхватить ее на руки, но у нее было такое лицо, что я не решился.

С моей поддержкой она довольно ловко допрыгала до скамейки.

— Вы, наверное, в детстве часто играли в классики? — спросил я.

Она раздраженно дернула плечиком, и я тут же свернул тему. Мои шутки ей явно не нравились, а я никак не мог нащупать нужную ноту.

Подошедшая продавщица киоска прервала наше затянувшееся молчание.

— Ты меня до смерти напугал, — сказала она укоризненно, — я чуть не описалась.

— Извините, это не я. Это поезд меня в вас швырнул.

— Ладно уж — поезд! Живы все, и то хорошо.

Она положила на край скамейки распечатанный пакетик бинта и пузырек зеленки.

— Я недавно тоже поранилась, вот и оставила на всякий случай. Может, помочь?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Нас в школе учили оказывать первую помощь. Раненая, вы готовы?

Девушка протянула руку, и я, смочив зеленкой оторванный от бинта кусочек, замазал кровоточащие ссадины на локте и запястье левой руки, потом с таким же тщанием озеленил колено. Бинтовать не стал — бинт был узкий и короткий, хорошую повязку не сделаешь.

Она недовольно морщилась:

— У вас холодные руки.

— Да? — удивился я и посмотрел на свои ладони. — Зато чистые. Почти.

Ее взгляд был изучающим и оценивающим, и я внутренне словно прогнулся от него, а во рту стало жарко и сухо, как на первом вступительном экзамене в институте. И не оттого, что взгляд был недобр — он был заведомо победителен и требовал абсолютной покорности. Но меня не надо было покорять — я уже был покорен.

— Зачем вы остались? — спросила она. — Это же глупо!

— Это с какой стороны смотреть...

— Да с любой! С моей, например.

— А с моей — нет.

— И все-таки зачем?

— Чтобы помочь вам.

Мне не нравилась эта перепалка, и я старался смягчать свои слова улыбкой. Но она не могла унять раздражения.

— Сдаюсь, — сказал я, поднимая руки. — Вы правы, я совершил глупость, измазав вас зеленкой, причем холодными руками. А теперь, может, займемся делами?

— Хорошо, — неожиданно согласилась она.

— Начнем с финансов, да?

— Хорошо. — И она улыбнулась.

Большого мне и не требовалось.

С деньгами мы разобрались быстро. Выяснилось, что их у нас практически не было.

«Я никогда не ношу с собой больших денег», – сказала она несколько даже, как показалось мне, высокомерно, я же честно признался, что больших денег вообще никогда не видел, а которые с собой были на дорогу, истратил в пути. И это было почти правдой, потому что на многочисленных остановках трудно было устоять перед соблазном полакомиться разной снедью, предлагаемой бойкими торговками.

– Не в деньгах счастье, – сказал я бодро и отправился на разведку, прихватив с собой босоножку со сломанным каблучком.

На дверях медпункта висел большой замок. Я за чем-то подергал его и пошел к начальнику станции.

Начальник уехал обедать, должен был вернуться через час.

Зато босоножку пожилой татарин – чистильщик обуви на привокзальной площади – починил бесплатно. Перед тем как отдать босоножку я, естественно, рассказал ему о бедной молодой женщине, которая отстала от поезда и осталась без документов и денег, да еще и с поломанной ногой, а я решил ей помочь хотя бы вот в этом деле.

– Студент, что ли?

– Да.

– Ну, тогда понятно.

Что ему понятно, я понял тоже с облегчением – лишняя пара-другая рублей нам не помешает.

– Дорогая туфля, – сказал он, рассматривая босоножку. – Я тут у нас таких и не видел.

«И долго еще не увидишь», – подумал я, но не сказал.

Там меня встретили улыбкой, но уже другой. Я сразу же мысленно включил в список важных подробностей ее портрета эту способность улыбаться по-разному.

Я любил улыбчивых людей.

В сторонке кучковались трое парней, проводившие меня долгими взглядами. Потом они ушли, попеременно оглянувшись на нас.

– Приставали? – спросил я.

– Нет, предложили помощь. Я сказала, что у меня уже есть помощник.

– Вас нельзя оставлять надолго одну.

– А вы и не оставляйте, особенно надолго.

Она снова улыбнулась, и это была опять совсем другая улыбка. Теперь я буду их коллекционировать.

– Очень аккуратно все сделано, – сказала она, внимательно рассмотрев босоножку. – Он – молодец!

– И главное – бесплатно! – уточнил я.

– Тогда – тем более.

– Во всех смыслах хорошо, – сказал я. – Все, оказывается, здесь в обеденный перерыв обедают, так что нам придется минут сорок покуковать...

– Ты меня, пожалуйста, извини, – сказала она, неожиданно переходя на «ты». – И не обращай внимания на мое дурное настроение. Это скоро пройдет. Я тебе действительно очень, очень благодарна. Но я не люблю приставал. Я просто ненавижу эту породу.

– Но ты ошибаешься – я не приставала, – возразил я, тоже переходя с легкостью на «ты».

– Значит, ты просто хороший, добрый мальчик? – улыбнувшись, спросила она.

– Пусть будет так, – согласился я.

– А сколько мальчику лет?

– Двадцать, – не моргнув, соврал я, уже сообразив, что она года на три старше меня.

«А на пять не хочешь?» – ехидно спросил внуренный голос.

– Я так и подумала, – сказала она. – Как тебя зовут?

– Алексей. Можно – Леша.

– А меня Лина. К сожалению, никак иначе не можно. И лукаво прищурилась.

– А зачем ты так рассматривал меня?

– Когда?

– Когда я разговаривала с официанткой...

(Ага, значит, заметила! – пораздовался я.)

– Ты мне понравилась.

– С первого взгляда?

– Да, с первого взгляда.

– А ты знаешь, что говорят мудрые люди, как не ошибаться при этом?

– Нет.

– Надо посмотреть второй раз.

– Это и был второй раз. Первый раз я видел тебя, когда ты прогуливалась по перрону с какой-то дамой.

– И я тогда тебе тоже понравилась?

– Да, – сказал я. – Очень. На тебе был красивый красный шарфик.

– Значит, тебе понравился шарфик?

– Ты понравилась бы мне и без шарфика.

– Я не думала, что кто-то подсматривает за мной.

– Не подсматривает – смотрит. Многие мужчины тогда смотрели на тебя.

– И ты был один из них?

– Да. Но я был единственным, который знал, что останется с тобой на этой станции и подарит тебе самый большой букет в мире.

– Ты меня пугаешь, – сказала девушка.

Потрясенный, я молча
пялился на исчезающее
со звоном пространство.
Мир, мгновенно
перевернувшийся
вверх тормашками,
восстанавливался
неспешно, постепенно
возвращая на свои места
серые стены, огромные
пыльные окна, скамьи,
людей, чемоданы...

Она еще хотела что-то добавить, вряд ли приятное для меня, судя по выражению лица, но сдержалась и снова потрогала отек на ноге:

– Больно шевелить пальцами.

Она с трудом вытянула ногу, и я поразился, как быстро синюшно округлилась ее щиколотка.

– Надо идти в медпункт, может, он раньше откроется.

– А как я туда доберусь? Видишь, как опухла нога?

– Я тебе помогу.

– Я не смогу идти. И прыгать уже не смогу.

– Я донесу тебя до вокзала.

– А если ты меня уронишь? Как ты меня понесешь?

– Возьму на руки и понесу.

Я показал как, вытянув перед собой руки.

– Так ты меня действительно уронишь, – возразила, сердясь. – Помоги мне сесть боком. А теперь левой рукой обними, а правой подхвати ноги под коленками.

Я посмеялся про себя – что я, сам не сообразил бы? – но сделал, как она сказала, и она, обняв меня за шею, уютно устроилась у моей груди. И мне сразу нечем стало дышать, а сердце кувыркнулось и забило с удвоенной энергией.

Я старался идти не быстро, чтобы не сбивалось дыхание.

– Я слышу, как бьется твое сердце, – сказала она.

– Еще бы, ты же лежишь прямо на нем.

Она засмеялась.

Не знаю, откуда брались слова, которыми я вдруг заговорил с ней с самого начала. Словно сказанное ею так ловко отражалось где-то в глубине меня, что слова приобретали явно двойной смысл и именно в этом новом качестве без всякого участия сознания мною и озвучивались.

И вот теперь, чувствуя сквозь тонкую ткань рубашки ее горячее тело и грудь, ее руку, которой она обнимала меня за шею, я уже знал, что в мою жизнь вторглось нечто серьезное и необычное. Нежный аромат незнакомых духов от ее волос кружил голову...

– Устал? – спросила Лина, когда мы наконец добрались до здания вокзала и устроились на скамейке рядом с входными дверями.

– Нет, было даже приятно, – признался я. – Не каждый день все-таки ношу женщин на руках.

– Ничего, – успокоила она. – Скоро научишься.

– Да? – удивился я, но ее слова меня почему-то задели. – Я найду занятие и получше...

– Кусаемся, да?

Она засмеялась и, притянув мою голову обеими руками к себе, поцеловала в губы.

– Спасибо, ты действительно очень хороший добрый мальчик.

Потрясенный, я молча пялился на исчезающее со звоном пространство. Мир, мгновенно перевернувшийся вверх тормашками, восстанавливался неспешно, постепенно возвращая на свои места серые стены, огромные пыльные окна, скамьи, людей, чемоданы...

Медпункт, как оказалось, вообще не работал, и я пошел в почтовое отделение. Адрес, данный Линой, меня удивил – Министерство обороны, генерал-лейтенанту Полетаеву Б.Н. лично. «А почему Министерство обороны?» – спросил я. «Это – военная тайна», – сказала она, улыбнувшись. «А такой короткий текст, какой ты заказала, будет похож на шпионскую шифрограмму». «Зато дешево», – справедливо заметила она. «Ладно, пошел сдаваться», – сказал я.

Отстояв небольшую очередь, я, как и ожидал, встретил недоверчивый взгляд насторожившейся почтальонши и должен был устно подтвердить адрес. Чувствуя на себе любопытные взгляды стоявших у окошка людей, я пошел на другую сторону вокзальной площади в магазин.

В довольно просторном помещении изобилием и не пахло – полки почти сплошь были уставлены

красочными банками с крабами и ананасами в ку-сочках и разными рыбными консервами, на боль-шом эмалированном подносе громоздились соле-ные кильки, которых обороняла от мух свернутой в длинный жгут газетой продавщица.

«Мяса, рыбы, масла и колбасы нет», – сказала она, когда я, обойдя все полки, вернулся к кассе. У нее было лицо гробовщика, потерявшего смысл жизни. Я кивнул, как бы принимая информацию к сведению, и попросил два плавленых сырка «Дружба», двести граммов соевых конфет «Кавказские», бутылку лимонада и белую булку. «Только она вчерашняя», – предупредила продавщица. «Но есть можно?» – спро-сил я. «Захочешь есть, и кукиш съешь, – философски заметил она. – Вот шоколадка еще одна осталась, возьми?» – «Возьму», – сказал я.

На скамейке мы и перекусили тем, что я принес в газетном кульке. Из газеты сделали скатерть, лимонад я открыл перочинным ножом похмельно-го грузчика, присевшего по соседству. От сырков и булки Лина отказалась, а шоколад съела с удо-вольствием, по-детски облизав потом кончик каж-дого пальчика в отдельности. Стаканов не было, поэтому я по-рыцарски предложил ей первой пить прямо из бутылки. Но она уклонилась – привыкла пользоваться стаканом.

– Кстати, а как ты, такая красивая, оказалась у этой столовки на перроне? – спросил я. – Да еще не где-нибудь, а прямо напротив меня.

Она сморщила лоб и растерянно спросила:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Думал, ты ради меня и пришла.

– Как это?

– Ну, ты же видела меня в окне вагона.

– Я тебя не видела! И вообще с чего ты это все взял?

Она раскраснелась, губы ее обиженно вздрогну-ли, и мне стало ее жалко.

– Извини, я пошутил!

Встав на одно колено, я склонил низко голову.

– Да ну тебя! – засмеялась она. – Сразу и не пой-мешь, шутишь ты или всерьез. Я спросила у офи-циантки, где можно купить лекарство от голов-ной боли. У Елизаветы Петровны, с которой мы ехала в купе, страшно разболелась голова.

– И она, конечно, ответила, что в Москве?!

– Почему? Она сказала, что недалеко от вокзала есть аптека. Вот там я и застряла.

Я рассказал ей о том, что видел и о чем думал, глядя из окна тамбура, о беженках – сестрах с дву-мя сыновьями-погодками, семь лет ждавших сво-

их мужей-братьев с войны и боявшихся тронуться с места. И только в прошлом году им сообщили, что оба сгорели в одном танке. Но младшая сестра про-говорила, что она лишь из-за сестры осталась – давно бы уехала, потому что мужа не любила и сын вовсе не от него, а прижит от заезжего интенданта за мешок муки. Эта мука их, можно сказать, и спас-ла в жутко голодную зиму 43-го года. А если бы, сказала, по любви дала, то никого бы и не было, все бы сдохли – и грешные, и не грешные.

– О господи, ужас какой! – вздохнула Лина. – Ниче-го подобного никогда не слышала.

– А ты в каком вагоне ехала? – спросил я.

– В четвертом, мягком, он еще международным на-зывается, хотя ни одного иностранца я там не видела.

– В таком вагоне такие истории не рассказыва-ют, – заметил я. – Наверное, только о чистой и красивой любви.

– Почему – только? Мне Елизавета Петровна рас-сказала, что в рассказе Чехова одна женщина написала человеку, которого любила: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

– Ну вот, я об этом и говорю...

– Ты не дослушал. Елизавета Петровна сказала, что она всю жизнь тоже ждала, когда человек, которого она любила, придет и возьмет ее жизнь, а он не пришел и не взял.

– Взял и использовал, но так, как было ему нуж-но, – не согласился я. – Она же всю жизнь, как ты говоришь, при нем оставалась со своей любовью. Какая-то нескладеха тут, вот что я скажу!

– Но она же любила!

– Ну и зачем же из-за этого жизнь свою отдавать? – недоумевал я. – Просто красивые слова, и толь-ко.

– Ну, хорошо... А что бы ты сделал, если бы получил такое письмо?

– Даже представить себе не могу, кто бы мог мне такое письмо прислать! И что бы я ответил, не знаю. Вот Лермонтов почему-то взял и шарахнул: «Делись со мною всем, чем знаешь, и благодарен буду я, но ты мне душу предлагаешь, на кой мне черт душа твоя».

Не знаю, что на меня накатило и почему я вспо-мнил именно это стихотворение, но уже в следую-щее мгновение понял, что по дурости взял и разру-шил разговор, зачем-то нужный ей.

– Фу, какая пошлость! – вздохнула она и возмущен-но повторила: – Нескладеха! И где только такое дурацкое слово откопал!

Она впервые на меня по-настоящему рассердилась и даже не попыталась этого скрыть.

Я подавленно молчал. И внутренний голос, который так часто ревизовал мои намерения и поступки, тоже заткнулся в тряпочку, понимая, видимо, что я уже не нуждаюсь в помощниках.

Но сердилась Лина недолго. Спросила: «Нам не пора?», я тут же вытащил из кармашка свои шикарные часы, она попросила их взглядом и, осторожно положив на ладошку, внимательно рассмотрела. «Какая прелесть! – сказала она, возвращая их назад. – Откуда они у тебя?» И за десять минут, оставшиеся до конца перерыва, я, прощенный и помилованный, с большим воодушевлением успел много чего рассказать и о часах, и о родителях, и о своих друзьях, и о себе тоже.

– Вот теперь ты обо мне почти все знаешь, – сказал я, вдруг ощутив в себе некую зудящую неловкость – как будто разделся и обнаружил, что стою среди множества одетых людей.

– Да, конечно, – согласилась она задумчиво, – но всего о себе даже сам человек не знает. И хорошо, иначе бы и жить дальше не захотел.

Я не нашелся, что сказать в ответ, хотя и соглашаться с таким мрачным предположением тоже не хотелось, и потому только промчал что-то невразумительное.

Начальник задумчиво сидел за большим обшарпанным столом, прикрыв глаза набухшими веками. С крупной лысой головой и почти до плеч утонувший в широком кресле, он издали напоминал бюст какого-то классика. Когда я заглянул, приоткрыв дверь, он подтянул ноги к себе и оказался просто большим и толстым человеком с недовольным лицом – видимо, я все-таки помешал ему переваривать пищу.

– Отставший, что ли? В каком вагоне ехал?

– В общем, жестком. А она – в мягком, международном.

– Кто это еще – она? – удивился начальник.

– Девушка из мягкого вагона. Она тоже отстала.

– Попутчица, значит. А где она?

– Там, – показал я на дверь. – Она ногу повредила, ей бы врача надо.

– Нет у меня тут врачей. Закрыт медпункт. Веди ее сюда, да быстро – у меня дела.

– И ты опять понесешь меня? – спросила Лина.

– Да, – сказал я, наполняясь чувством гордости и восторга. – И я опять понесу тебя.

Как жаль, что это была совсем недлинная дорога.

Прижимая ее к груди, я вновь ощутил частое, гулкое и сладостное биение своего сердца, и снова мне не стало хватать воздуха...

– Я опять слышу твоё сердце, – засмеялась она, откинув голову и заглядывая в мои глаза.

Я занес Лину в его кабинет, помог сесть на старый кожаный диван.

Лина произвела на начальника сильное впечатление, и он, отложив дела, решил заняться ее проблемами лично.

– Ну, это не страшно, – сказал он важно, осмотрев отек на ее ноге. – Сейчас я позову нашего умельца, и он быстро все поправит.

– Врача? – спросил я.

– Лучше врача, – коротко ответил начальник. – Он ремесленное окончил. Золотые, скажу вам, руки.

– Вы шутите?! – дернулась Лина.

Но начальник никак не среагировал на ее слова, нажал на кнопку коммутатора и приказал откликнувшемуся женскому голосу немедленно найти Василия.

Тот явился сразу же, словно стоял за дверью.

– Вот, – сказал начальник, показывая глазами на Лину. – Займись...

– Слушаюсь! – радостно отозвался бывший ремесленник, засучивая на ходу рукава синего халата. – Случай не смертельный, нет, а совсем обычный, банальный даже для скотинки, простите великодушно за неудобное сравнение.

– Ну, ты даешь, Василий! – вмешался начальник. – Сравнил божий дар, что называется...

Меня тоже покорили его слова, но Лина засмеялась, и я понял, что она не боится этого горделивого лекаря с могучими волосатыми ручищами. Он и вправду внушал доверие.

– Связочки вы растянули сильно, – показал он, слегка прикоснувшись толстенным мизинцем к ее ноге, – больно? Сильно или не очень? И должно быть больно. Не в ту сторону нога пошла, но конечность цела, а это главное. Так что повезло, можно сказать. Юноша, вы, как полагаю, ее младший братик? Давай-ка сбегай, поищи мороженщицу – лед нужен. И полотенце, марлю, вату. А еще лучше – жгут.

Он поднял глаза на начальника.

– Ты что на меня смотришь? – возмутился тот. – Чего же ты с пустыми руками явился? Иди теперь ищи, что надо, – у меня тут не медпункт.

Мороженщицу я нашел на перроне. Она насыпала мне в коробку из-под обуви льда и дала комок свер-

А я думал о ее словах
и о том, как стремительно
сокращается время,
отпущенное или,
скорее, случайно
доставшееся мне...
И чувство собственного
бессилия перед этим
раскручивающимся
маховиком, невозможности
что-либо изменить,
поглотило меня.

нutoй марли: «Чистая, сама вчера стирала и еще не пользовалась. Она у меня вместо полотенца». Но не пригодилась – Вася принес и ггут, и полотенце, и кусок клеенки. И даже старую облезлую палку с наполовину сломанной ручкой. Хозяйственный мужик – все предусмотрел.

Минут через десять Лина с помощью палки и с моей поддержкой уже была способна передвигаться. Я получил полный инструктаж по уходу за больной: двое суток – покой, регулярно подкладывать толченый лед (где это я его, интересно, в поезде возьму?), время от времени повязку ослаблять, потом – теплые ванны и обязательно мазь (сразу забыл название, да это все уже без меня – мое дело сдать Лину тому, кто ее встретит!).

Она улыбалась, глядя, как Вася наставляет меня, используя ее обмотанную клеенкой ногу в качестве учебного пособия.

– Бедный мой мальчик! – сказала она, растрепав мою шевелюру пальцами. – Сколько забот сразу свалилось, ужас!

Но я был счастлив и не скрывал этого.

Все это время начальник стоя яростно сражался с телефонами, которые звонили почти непрерывно. Иногда он срывался, даже пару раз матюгнулся, забыв о нас, но потом извинялся перед Линой, говоря, что с этими балбесами иначе нельзя – они только этот язык и понимают. Работа у него была нелегкая

и хлопотливая, и я только сейчас сообразил, что пригласить нас в свой кабинет в горячее время дня было с его стороны редкой любезностью, если не больше.

Наконец телефоны смолкли, он сел в свое кресло, расстегнув верхнюю пуговицу кителя. Вася ушел, мы тоже собрались уходить.

– Фу ты ну ты, – вздохнул начальник и вытер лысину большим платком. – Все в порядке?

– Да, спасибо вам, – сказал я, поднимаясь с дивана.

– А как вас зовут? – вдруг спросила Лина.

– Лукьянов, – ответил он не сразу. Видимо, она застигла его врасплох. Кашлянув смущенно в кулак, он поспешно пояснил: – Емельян Семенович.

– Я вам очень благодарна, Емельян Семенович, вы были так добры! А могу ли я у вас спросить...

– Я весь внимание! – сказал начальник, склонив голову и одновременно застегивая пуговицу на кителе.

– У вас есть связь с Москвой?

– Конечно.

– А вы не могли бы связаться с приемной генерала Полетаева? Это Министерство обороны.

– Связь у нас – служебная. Но в исключительных случаях...

– Я не буду сама говорить. Я напишу номер телефона...

– Да, да, – согласился начальник и потянулся к столу за блокнотом.

Аккуратно вырвал страничку, потом протянул карандаш. По всему чувствовалось, что он с первого взгляда понял, что имеет дело с птицей высокого полета, а просьба Лины и особенно пункт назначения звонка ввели его в некоторый даже ступор. Чуть согнувшись и выпятив пухлый подбородок, он напряженно смотрел, как она пишет цифры на листочке из его блокнота.

– Вот номер, – сказала Лина. – Мы послали телеграмму, но, боюсь, она еще не дошла, так что это для подстраховки. Просто скажите, что я застряла на вашей станции. И все. Это не займет много времени, да?

– Не извольте беспокоиться, все будет сделано наилучшим образом, – заверил начальник и потянулся к телефону.

Он не успел поднять трубку, как резко и гулко прозвучал длинный зуммер другого аппарата.

«Когда? Где? Пожарных вызвали? Жертвы есть? Сейчас буду!» – Выпалив все разом на одном вздохе, начальник схватил со стола фуражку и рванул к двери. Обернувшись в створе двери, он сказал:

Насчет звонка не беспокойтесь, я позвоню сразу же, как вернусь.

– Ах, дурак я, дурак, – разочарованно вздохнула Лина. – Надо было сразу с телефона начинать, здесь же не могло не быть телефона...

– Ты знаешь, – сказала она, когда мы оказались в зале ожидания, сумрачном из-за слабо горящей люстры. – Я что-то устала от всего этого – и от того, что упустила поезд, и от этого дурацкого вокзала, и от себя устала тоже... Куда еду, зачем еду? – И надолго замолчала, закрыв глаза.

А я думал о ее словах и о том, как стремительно сокращается время, отпущенное или, скорее, случайно доставшееся мне... И чувство собственного бессилия перед этим раскручивающимся маховиком, невозможности что-либо изменить, поглотило меня.

Я смотрел на тоненький, с волосок, сосудик, пульсирующий на ее шее и, глотнув комок в горле, крепко сжал веки...

Потом мы нашли свободный уголок в закутке у закрытого медпункта, и она прилегла на скамье, положив голову на мои колени.

Мне ужасно хотелось спросить ее, что она имела в виду, произнося эти странные слова, но она своим затянувшимся молчанием уже показала, что, наверное, жалеет о сказанном. И я заставил себя думать о том, что же все-таки произошло за эти несколько часов, все перевернувших и спутавших во мне – и вчерашнее, и сегодняшнее, и, может, даже завтрашнее, хотя какое, к черту, завтрашнее, если очень скоро кончится сегодняшнее и останется только вчерашнее, с которым и придется жить дальше. С каким-то невероятно острым чувством необратимости всего случившегося со мной вдруг осознал, что ничего, совсем ничего уже не будет, не надо обманывать себя. И вновь всплыли ее странные слова «куда еду, зачем еду», но теперь уже это были и мои слова...

– А как же насчет букета? Самого большого в мире? – вдруг спросила Лина. – Или забыл, что обещал?

– Нет, конечно! – бодро возразил я, и это была правда – я помнил об этом обещании и уже знал, что есть единственная возможность выполнить его – никаких других денег не было, все мои подорожные-резервные рубли были надежно спрятаны мамой под подкладкой чемодана и охранялись сейчас полужнакомой теткой в вагоне давно ушедшего поезда.

– У тебя же нет денег!

– Зато рядом с вокзалом есть небольшая сберкасса, – заметил я. – Всего и делов-то...

– Ты что?! – испуганно вскрикнула Лина и села, оглядываясь по сторонам. – Немедленно выбрось это из головы!

– Выбросил, – тут же согласился я. – Я пошутил.

– Не надо так шутить, – сказала она. – Давай будем считать, что ты ничего не обещал. И потом это действительно только и просто слова.

– Нет, не только и не просто, – возразил я. – Вот ты же вспомнила о них.

Лина скользнула по моему лицу чуть смущенным взглядом и отвернулась. После долгого молчания сказала, явно подбирая слова:

– Во-первых, я пошутила – я же знала, что у тебя нет денег. Во-вторых, я действительно не придала никакого значения твоему обещанию там, на перроне, и в-третьих... – Тут она споткнулась и через паузу повторила: – А в-третьих, ты все равно не поймешь ничего или поймешь совсем не то и не так.

И она замолчала.

Я откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза.

Усталость брала свое, но я был слишком взбудоражен, чтобы дремать. Я стал думать о том, как мы поедем вместе в поезде, славно было бы попасть в вагон с хорошими проводниками и соседями, они помогут и перевязать ногу, и сделать компресс, и в другом тоже помогут – люди в поезде всегда становятся лучше и отзывчивее, и с голода там не помрешь, как я успел убедиться днями позже. Мне казалось, что прошла уже целая вечность с момента, когда я отпустил поручень вагона, а ведь и прошло-то всего ничего.

Я дернулся, чтобы взглянуть на часы, и мысли сразу потекли в другом направлении. Я несколько не сомневался, что отец и поймет, и не обидится, если я ему все расскажу... Ну и что я ему расскажу, спросил я себя, и у меня, показалось, даже лоб вспотел от осознания того убийственного факта, что рассказывать мне нечего. Встретил, влюбился с первого взгляда, ну и так далее... Он, конечно, не скажет: «Ты дурак, что ли, или меня за дурака держишь?», как однажды сказал мне по случаю суровый дядя Миша, родной брат мамы, и все же...

– Ты любишь стихи? – спросила Лина, не открывая глаз.

А я – то думал, что она спит...

– Да, – сказал я. – Люблю.

И сам удивился, как странно, наверное, прозвучали эти слова для того, кто мог со стороны слы-

шать наши вопрос и ответ «ты любишь – люблю». Как объяснение в любви – вот что он бы об этом подумал.

- А сам пишешь стихи?
- Нет, не пишу, – соврал я, опять не моргнув. Стойкую, однако, обрел привычку!
- Странно...
- Почему?
- Все в твоём возрасте пишут стихи. Правда – плохие.
- У меня есть товарищ, который пишет неплохие стихи, – возразил я. – Вот, например: «Что такое верность, Это откровенность, Это когда в сердце Не приходит ревность...»
- Это плохие стихи.
- Почему?
- Потому что верность – и не откровенность, и не отсутствие ревности. Да и весь стих – как список товаров в магазине.

Я подумал и согласился с ней, хотя Костя с этим стихотворением и блистал в литературном кружке института. Девушки переписывали его в свои альбомы. Но я об этом, конечно, не сказал. И правильно, что не стал читать свои стихи, – Костя все-таки писал лучше меня.

- Ты права. Я прочитал первое, что пришло в голову.
- Это не страшно. Не все первое бывает лучшим... Прочитай мне не неплохие, а хорошие стихи. Ну, из самых твоих любимых..

И я стал читать стихи запрещенных тогда Цветаевой, Ахматовой и Ходасевича. Мой товарищ, старше меня на пару лет, учился в Литературном институте, привозил их из Москвы и, взяв с меня слово, что я не буду ничего копировать и переписывать и никому никогда не расскажу об этом, давал мне на одну ночь напечатанные на папиросной бумаге с едва угадываемыми строчками шестые, седьмые машинописные копии сборников. Пряча от родителей, я читал их ночами и старался побольше заучить наизусть.

Я запомнил много стихов и прочитал Лине почти все, и мне не было стыдно за то, что я нарушил данное товарищу слово. Без раздумья я доверил ей не только свою жизнь, но и жизнь другого человека, а может, и не одного. Я знал, что за это могут выгнать из института и комсомола, как выгнали наших двух старшекурсников за нечто подобное.

Лина ни разу меня не перебила, она лежала с закрытыми глазами, и я снова подумал, что она заснула. Но она не спала.

- Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него, хоть на миг, но иной. – Она села и повто-

рила строки из стихотворения Ходасевича. – Кто такой этот Ходасевич? Я не знала такого поэта.

- Я тоже. И единственное, что знаю сейчас, – стихи, которые тебе прочитал, и еще – что он эмигрировал после революции в Германию, там долго жил и там же умер...
- А где ты нашел тогда эти стихи? – спросила она.
- А это – военная тайна, – улыбнулся я. Теперь у нас у каждого по две военных тайны. И мы должны их сохранять.

- Да? – серьезно спросила она.
- Да! – сказал я так же серьезно.
- Но мне эти две строчки помогли кое-что понять...
- Куда и зачем?
- Она взглянула на меня каким-то странно сосредоточенным взглядом и сказала:
- Может быть, это, – и через паузу, – а может, что-то и другое. Спасибо, что ты мне это прочитал. Я постараюсь запомнить.

Я хотел сказать, что было бы лучше, если бы она быстрее эти стихи забыла, но появившийся начальник вокзала прервал наш разговор.

- Ах, вот вы где! – сказал он почти радостно. – Ну вот что...
- А что там случилось? – прервал я его не очень вежливо.
- Где? – удивленно спросил начальник.
- Ну, там, куда вы побежали...
- А-а, там ничего особенного, разобрались, – равнодушно отмахнулся он, дав мне понять, что это не моего ума дело. И тут же переключился на Лину. – Ваше поручение выполнено. Информация передана и получена. На все вопросы отвечено. И вам привет. Ваш поезд будет через два часа, но в нем места только в общем, да и то в разных вагонах – в начале и почти в конце. Зато в следующем, из Челябинска, есть свободное купе в мягком. Я его зарезервировал. Правда, придется подождать часа три, не меньше. Как нога, не болит?
- Когда лежу, не очень, – сказала Лина.
- Ну и ладно. У нас тут гостевая освободилась, там вам будет удобнее. Вася вас перевезет...
- Спасибо! – возразила Лина. – У меня ведь есть кому помочь, и есть палочка.

Что-то все-таки произошло с нашим начальником за то не очень долгое время, пока мы его не видели, – он стал вроде бы стройнее, собраннее и даже говорить стал иначе – короткими, обрывистыми фразами, как военный. И к Лине обращался уже не просто как к красивой девушке... «Кто же она

такая, если этот совсем немолодой человек, к тому же, видимо, воевавший, после звонка в Москву вдруг становится другим?» – подумал я и поймал себя на мысли, что сам ничего о ней не знаю – ни фамилии, ни чем занимается, ни откуда едет, ни где живет... Как же так получилось, что она обо мне знает все или почти все, а я – вообще ничего, кроме фамилии генерала? Болтун несчастный! Представляю, что она обо мне теперь думает!

Так, мучимый сомнениями и вопросами, я и прошествовал, бережно поддерживая Лину, в другой конец зала ожидания.

Гостевая оказалась большой комнатой с двумя диванами и креслами, красно-синим ковром на полу, длинным и узким комодом с зеркалом, шкафом для одежды. Был, конечно, и туалет, и холодильник, и много еще чего из скромных радостей жизни, как говорила моя мама.

– Здорово! – сказал я, осмотревшись. – Вот бы где надо было сидеть начальнику, а не за облезлым столом в его конуре.

– Ему не положено, – коротко ответила Лина и попросила подвести ее к комоду.

Широкое зеркало отразило нас вместе – ее, худенькую, с бледным, словно осунувшимся личиком и темными глазами под высокими дугами бровей, и меня, неприлично здорового амбала, на голову ее выше, со скуластым хмурым лицом и оттопыренными красными ушами... Я тут же стыдливо отстранился в сторону, чтобы не маячить перед ее глазами, а она стала разглаживать пальцами веки и лицо.

– Знаешь что, – сказала она, обернувшись, – если ты не возражаешь, я бы привела себя в порядок. Погуляешь где-нибудь?

Меня это очень даже устраивало, и я с радостью принял ее предложение.

– Ты хочешь что-нибудь вкусенького? – спросил напоследок.

– Разве фруктов каких... – задумчиво произнесла она и тут же оборвала себя. – Эй, эй, чего ты еще надумал? – И погрозила мне пальцем. – Никаких фруктов!

– Ну, на одно яблоко-то у меня мелочь есть, – заверил я.

– Только разве одно, – согласилась она и улыбнулась.

– Тебе часа хватит?

Я рассчитал, что этого времени мне будет достаточно.

– Часа? Мне-то хватит, а ты чем займешься?

– Погуляю по городу, поглазею, покумекаю...

Она покачала головой, но ничего не сказала, и я пошел выполнять задуманное.

Я побегал по вокзальной площади, потом – по вокзалу, но желающих купить часы не оказалось: люди подозрительно смотрели на меня и отворачивались, едва я открывал рот.

«Ворованные небось, – бросила вслед одна старушка. – И куда тут милиция смотрит...»

Только милиции мне и не хватало.

Я пошел обратно на перрон.

Народу там было негусто и ошибаться нельзя: стоит раз промахнуться – и могут засечь.

Навстречу шел носильщик с пустой тележкой. Большой, сильный, побритый и аккуратнo одетый, он показался мне подходящим клиентом.

– Товарищ, не купишь у меня часы? – спросил я, остановив его.

– Украл, что ли? – спросил он добродушно, с интересом разглядывая мои часы.

– Отец подарил, – сказал я без обиды.

– Серебряные, тут и надпись еще. Это кто – Савельев Иван Дмитриевич?

– Отец.

– Значит, ты...

– Ага. Алексей Иванович.

Он продолжал крутить в руках часы, поглядывая изредка на меня смеющимися глазами.

– Значит, его наградили, а ты их продаешь. Отец не обидится?

– Я ему объясню, и он поймет.

– Я бы не понял, если бы у меня был сын, и обязательно выпорол его ремнем. – И зачем-то пояснил: – Но у меня дочь.

– Он поймет, – повторил я и протянул руку за часами.

– Ладно, – сказал он после раздумчивой паузы. – Так тебе очень надо?

– Да. – Я не стал объяснять, почему, – это его не касалось.

– У меня с собой немного. Часы стоят раз в десять больше. Не пожалеешь?

– Не пожалею, – ответил я и взял протянутые им деньги.

Лина была права: я плохо знал себя! Мог ли я представить несколько часов назад, что сознательно отстану от поезда и буду метаться по вокзалу и около, помогая незнакомому мне человеку, а потом продам отцовские часы, которыми он очень гордился и дорожил, чтобы купить цветы, – какой, в общем-то, бессмысленный жест, если смотреть

со стороны! Но я так смотреть на себя не умел и не хотел и потому ни на мгновение не усомнился в том, что все сделал правильно.

Я zaseк время на привокзальных часах и двинул в сторону базара.

Я шел за цветами. За самым большим букетом цветов, которые только найдутся там. Но на базаре цветов не было. Вообще никаких. Там продавали все, кроме цветов.

Скучающий милиционер подсказал, где можно купить хороший букет и фрукты – только в городе, в магазине или на центральном рынке. «А где это?» – спросил я. «Полчаса пешком и десять минут на машине», – ответил он.

Машина нашлась в двух шагах от ворот рынка, водила оказался толковым и нежадным, и мы обернулись минут за сорок.

Я шел к дверям вокзала с таким большим и роскошным букетом, что местные жители будут вспоминать об этом чуде, наверное, не один год.

Так я думал, гордясь тем, что купил все цветы, которые нашлись в цветочном ряду.

– На свадьбу, что ль? – спросила одна из теток, ошалевших от упавшей на их головы удачи за полчаса до закрытия рынка.

– Ага! – соврал я с легкой душой, потому что впервые в жизни покупал так много красивых цветов.

– Ишь ты! – восхитилась тетка и звучно высморкалась в мятый платок. – Любишь, значит, если таких денег не пожалел...

Кроме яблок, никаких фруктов не нашлось, но старый узбек в полосатом халате смастерил из желтой оберточной бумаги кулек, куда аккуратно сложил сушеный урюк, три косички вяленой дыни и полкило орехов. Фундук был похож на наши лесные орехи, а об арахисе я и не слышал, но на пробу они показались мне вкусными. Кулек по моей просьбе он крест-накрест перевязал толстой бечевкой, чтобы можно было подвесить его на палец, – букет был такой большой, что мне пришлось держать его двумя руками.

Так и шел я по привокзальной площади, уткнувшись носом в цветы и выставив перед собой желтый кулек, висящий на большом пальце левой руки.

Гостевая оказалась закрытой.

Постучал ногой, никто не откликнулся.

Никого из работников вокзала рядом не было, а искать их в зале я с таким грузом не мог. Наверное, у начальника, где еще она могла быть, подумал я и двинул туда.

Люди на меня оглядывались, но мне было на это плевать.

Дверь в кабинет начальника была раскрыта нараспашку.

Я с трудом дождался, когда уйдут толпившиеся у стола посетители, и встал в проеме двери.

Начальник поднял голову и уставился на букет.

– Это еще што за явление? – проговорил он устало.

– А где Лина? – спросил я, заглядывая попеременно в правый угол, где стояли два стула, и в левый, где громоздился шкаф для одежды.

– Уехала, – сказал начальник, вытирая лысую голову большим платком. – Десять минут назад.

«Везет же мне сегодня на носовые платки», – мелькнула и исчезла дурацкая мысль, пока я медленно осознал сказанное хозяином кабинета.

– Куда?

– Капитан из нашей воинской части забрал и повез на свой аэродром. Сказал, там самолет скоро в Москву полетит. Больно уж адъютант генеральский беспокоился, что да как. Значит, было за чем, если самолетом.

– А где эта воинская часть? – спросил я с отчаянной надеждой, что не все еще потеряно.

– Где и расположена – там.

– А как туда добраться?

– Так кто тебе добраться туда разрешит? – удивился начальник. – Ты что – на Луне родился?

Потом задумчиво погладил свою отполированную голову классика и, взглянув на меня понимающе, добавил:

– Вот так-то: прилетела – улетела, и как не была. Или не понял еще?

Не понял.

Не понял, почему она уехала, не попрощавшись со мной.

Почему уехала, не оставив даже записки.

Не понял, стоя там, у дверей кабинета, и сидя потом до сумерек на той самой скамейке, где все началось и где я оставил не нужный уже букет и кулек с фруктами.

Не понял и в вагоне поезда, идущего в обратную от Москвы сторону.

И не понимал еще много лет спустя, тоскуя по утраченному.

Прилетела – улетела, и как не была?

Черта с два!

Со мной остался нежный запах ее духов, но и сама она нет-нет да и возникает передо мной такой, какой я увидел ее в первый раз. В легком цветастом платье, с чистым улыбчивым лицом, опушенным

пряжками русых волос, худенькими плечами с накинутым на них красным шарфиком и пронзительно синими глазами.

И тогда я отчетливо слышу ее тихий голос, печально спрашивающий у самой себя: «Куда еду, за чем еду?»

Я не должен был ее искать, но искал вопреки здравому смыслу, цепляясь за единственную ниточку, которая была у меня. И знал, что пока она существует, я не успокоюсь. Мысль воспользоваться этой ниточкой превратилась в конце концов в навязчивую идею, и я написал письмо генералу Полетаеву с просьбой о личной встрече. Ничего умнее, как объяснить ее необходимость желанием уточнить некоторые обстоятельства военной биографии отца, награжденного именными часами самим командующим армией, я придумать не смог. Не называя никаких фамилий и конкретных фактов, кроме награждения, я никого не подставлял, а при встрече мог бы спросить и о Лине. Конечно, я рассчитывал на высокую должность генерала и его доброжелательность по отношению к бывшим фронтовикам. В общем, как я полагал, не ответить на письмо он не мог.

Я ошибся. Ответа я так и не получил.

Так оборвалась эта единственная ниточка.

Но...

Однажды на Тверской, проходя мимо парфюмерного магазина, я уловил аромат духов, который мгновенно вернул меня на тридцать лет назад.

Посетителей в магазине было немного, я довольно бессмысленно бродил вдоль полок, пока ко мне не подошла миловидная девушка.

– Вы что-то ищете, вам помочь? – спросила она.

– Вряд ли вы сможете мне помочь, – сказал я. – Мне послышался аромат, который о многом напомнил. А может, мне просто показалось...

– Ну почему же? – возразила она. – Я читала, запахи действительно хранят воспоминания. Вот индейцы майя, например, даже делали специальные коробочки для разных запахов, чтобы вспоминать счастливые моменты своей прошлой жизни.

Она очень серьезно все это сказала, не отрывая глаз от моего лица.

Так смотрела Лина, и мне захотелось еще с ней поговорить.

– А сколько этих запахов вообще? – спросил я первое, что пришло в голову.

– Очень и очень много! – тихо воскликнула она, округлив глаза. – Французы, а они лучшие парфюмеры, считают – больше восьми тысяч.

– Это действительно много, – согласился я.

– Но я лично думаю, что их значительно больше, – добавила она, глядя на меня глазами Лины.

– А скажите, милая девушка, нет ли среди этого множества запаха первой любви?

Несколько секунд она растерянно молчала, потом тихо спросила:

– Вы шутите, да?

И в голосе ее прозвучала знакомая мне интонация. Ну, не наваждение ли?

– Нет, я не шучу. Он есть, и раз услышанный, помнится потом всю жизнь.

– Я не знала, нет, не знаю, что это может быть...

– Вы – счастливый человек, – сказал я, – вам это еще предстоит узнать. Спасибо вам.

И ушел, чувствуя на спине ее недоуменный взгляд.

